

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927

№:

10

издательство „Молодая Гвардия“

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ.

«На суше и на море». Первый сборник путешествий и приключений. «Молодая Гвардия». 1927. Стр. 152.

А. Адалис и Сергеев — Абдиде Хевэз Хютти Роман приключений. «Молодая Гвардия» 1927 г. Стр. 223. Ц. 1 р. 50 к.

«Советские окранны лежат в удивительных пустынях, в горах, долинах, горах, горах и опасней индейских, в снегах, по которым Дж. Лондон, быть может, не осмелился бы поехать своим героев: вот нового романа приключений должно написать, как от моря, саванна, времени и открытым пространством; таким, как бы вернулись из летнего отпуска, ты доблестно вернулись от захватывающих тембл книг, окранны, саванна, с грядую, полной воздуха, и развернутыми плечами.»

Так пишет Адалис в предисловии к сборнику «На суше и на море», и эти же замечания вполне справедливы. Неоспоримо, что пространство — по меньшей мере — природное условие и бытовых условий, неизменно и такт для писателя самую богатую пищу, превосходящую всякие фантазии. Совершенно правильна и вышеназванная характеристика той психологической задачи, которую должны оказывать приключенческие произведения. Таких произведений наш читатель ждет, особенно наша молодежь.

Если у нас нет автора, равного по таланту Стювенсону и Кэпplingу, то Майн-Риды уже начали работу: говорит та же Адалис в том же предисловии.

Посмотрим, что же в данном случае приготовили нам наши Майн-Риды.

В первом сборнике приключений и путешествий «наши Майн-Риды» представлены шестью авторами, (если В. Березкина и В. Вара считать за одно лицо) и их шесть рассказана. Самоотверженная борьба журналиста Геймера с предательским отставлением лучших волонтерских участков на Северный Печоры во владения колхозников; героическое сопротивление санитера и находчивость Хайкоса — рядового партизан, отдающего дни своего долгожданного отпуска насильно кооперации в горах Карабах; история др. ма и совместные приключения двух русских и трех американских моряков, выброшенных после тайфуна на берега крайнего Северо-Востока СССР — Чукотского полуострова; побег полтавлячского на румынской территории и преследование его мандрями на берегах Дуная; голодные скитания по морозной мертвой сибирской тайге оградленных золотоискателей, — такова ор-

жета, схемы и географической фон этих рассказов.

Каждый из авторов сборника имеет свою склонность, если, например, у Гайдыра наиболее выражен уклон к поправанию Коан-Дойлы, то, например, Перелешин, пожалуй, наиболее оригинальный и наиболее реалистичный в сюжете, так и в описании. У В. Березкина трагичен выбор сюжета, хотя он очень старается осветить детали и показать этнографию, но все же это или «люди с погибшего корабля», или же много раз повторенное сказание о подвиге озерных от голода людей.

Не обошлось, конечно, и без всяких оплошностей. Например, Гайдыр не протщеловит технических терминов (автоматические кнопки и пр.), но зато у него же читателю приходится встретить и такие вещи: кто-то ст, например, колбасу, «отхвачивая лубами полчетверти (спр. шивается, чего? — килограмма, метра, общей ее длины?), или один из его героев летом 1925 года начинает вспоминать, что идет поход, что до этого года «тогда у нас на видела кибу-буевоки...» (когда реально это произошло) и селами (это же про в 1915 году!).

Но в общем рассказы стоят на достаточном художественном уровне и свое название вполне оправдывают.

Кроме рассказов, в сборник включены ряд очерков. Интересен очерк Н. Никулина об Афганистане; полны зарисовками ситуационно описания Черноморского коммуниста Бухачина и «Планирование» очерк Борзова о технических полетах наших летчиков. Заключен сборник заметками о добычливом: здесь и об охоте на зайцев, и пещерных пещар, и о новотех спорта и пр.

Сборник будет читаться, такая литература нужна нашей молодежи. Правда, не так уж сильна она нужна (Майн-Риды), но они делают нужное дело.

«Зачем мечтать об Африке, когда собственная Африка под рукой?» — замечает один из героев романа Адалис и Сергеева «Абдиде Хевэз Хютти».

Эта фраза почти озадачивает с мыслями оплодородности почв окранны СССР, высказанными тою же Адалис в предисловии к сборнику «На суше и на море». Посмотрим, что получилось на практике из этих правильных слов: «Абдиде Хевэз Хютти» и «Козодовский» — сюжеты с литературными наклонностями и ко-мо-лель Шеглов пользуются отпуском для поездки в Туркменистан. Заманчивая привлекательность края пробуждает у путешественника как мучу приключений и «прошлой на границу Индии и вытяз на половецкие владыки, убивает мышца во вре в воедушных маневров и выжуг он со своим одиночком рискует пере-

лет через Гиндукуш — один из вытязных хребтов Азии, чтобы выйти спасение в СССР. Счастливая по результатам авария самолета уже на территории Туркменистана и последующие происшествия сталкивают беглецов с п-шестюлетниками Шегловым и Козодовским.

Так встречается две основные группы героев приключений этого романа.

Новые приключения приносит этого соучастником путешественник, новый встречен, находя нефритовой статуи чудесной работы и т.р. окончательно настраивают «экспедицию» к поискам легкой особенной культуры, живущих в тайном месте.

Предположения оправдываются — путешественник попадает в плен к таким людям, их окружают странной мирью равнодушного, кающегося безострастного, санаторного социализма для кучки людей. Оказывает, что это — «физиологическая» риса — республика промашенных.

Но путешественник все же в плену, они уже приспособились к чудесной стране, естественным им надо остаться. Им кажется достигли благоустроенной «возрастающей», наконец, и просто нефитатическим люда. Вокруг читатель видит героев романа в Москве, занятых ра отой, учебой, выносами политикскими событиями.

Так наматываются одна на другую, нити романа, но в то же время читатель чувствует, как часть из них почти незаметно как-то исчезает, социальность с ометной катушки при вращении. Постепенно исчезают все сколько-нибудь реальные признаки о таинственной стране промашенных, но в то же время читатель ясно чувствует, что в какой-то мере он скаток ра ску за фразой о воображаемой действительности, или же зарисованной.

Как же читателю светит концы с концами? Как же ему самому выпутаться из этой фантастической сдержанности романа? Ведь, конечно, Шеглов — уродец, что так естественно — спуга, ведь Вилланди Броунинг не менее трезвый человек, но и он — подчинился действию мирама — и нигде не опровергает его. Приходится отметить, что сами авторы, начав за зарпан, к середине романа Бегуа и потом с ометой обогреть себя фантастикой. Да притом точно же начали какяться. Литературная традиция Востока в плане изощренной фантастики очень prominently почувствала над авторами Абдиде Хевэз Хютти. Поэтому весь роман, если нехоло написанным, умело построенный и с значительным вкусом словесно оформленный, довольно незвесо в самом своем центре. Читатель как-то даже жалко героев, при мучающихся в золотых очитаниях, местами он на своих плечах чувствует их утомление. А, ведь, они поехали отны: ат. Многие в романе все же читается с интересом, особенно

хорошо передают Туркменистанские пейзажи и краски, но основательный виза Адалис — ты долгие вернутся от захватывающих тебя киниче очитаний, азгорелым, с грунью, позавоздуха, и с развернутыми плечами роман все же не оправдывает.

Б. Л.

А. Коан-Дойль. Шерлок Холмс. Рассказы. Перевод с английского. Б-ка «Всемирной Литературы». ГИЗ. 1927. Стр. 432. Ц. 1 р.

Шерлок Холмс и его двойник Нат Нинерстон и другие, давно уже стали нарицательными прозвищами для всякой литературной приключенческой культуры. Такая литература в массе издававшаяся по расовому отравлению целые поколения молодежи, населяя воображение молодых читателей кровавыми ужасами уродливых и отвратительных обшественных вопросов. В то же время «подлинный Шерлок Холмс, Шерлок Холмс Коан-Дойля» манул в общей массе безымянной культуры, несвольно споровая оттом желтой бульварщины.

Ну вот перед нами новое издание «подлинного Шерлок Холмса». В это время каждого старого автора приходится рассматривать, как бы не являлся столбиком психологическим читателю, столько изменился за революцию, что старые, установившиеся оценки дано уже потеряли свое значение. Каким же выглядел старик Холмс в изменившихся условиях — это прелестнейшая задача бульварщины!

Прежде всего, приходится установить, что Коан-Дойль действительно изобретатель таинственных неслухот и кровавых ужасов. Изобретательный в выборе приключений, он придает им естественное сцепление и четкую, логическую — оправданную — последовательность, и поэтому любознательность читателя, ли и затравляет его в лихие кошмары уголований, как это обычно бывает в сам Шерлок Холмс — несомненно самым показанным обязательно беззависимым — привлекает к себе чистую, энергичную и в последние времена — лихорадочную фантазию вымысла. Его приемы аналитического мышления, его искусство делать выводы на основании изученных деталей — не выходят за пределы естественного.

В сборник включены два рассказа: «Метель» и «Знак четырех!». Кроме приключений по раскрытию преступления, каждый из них содержит любопытную историю, подготовленную юным преступлением.

Ознакомившись с Шерлоком Холмсом, но только в Коан-Дойле, если позволений, не будет в наше терпение, а в некотором смысле скорее, потому что кроме Холмса в этих рассказах фигурируют такие хорошие агенты Скотланд-Ярда, столь знаменитые в нашем политическом сегодня.

И. Кор

СОДЕРЖАНИЕ: УОРД МОР — На океанской волне (рассказ, перевод с английского П. Охримёно). Н. ПОГОДИН — Вы — идиды! (фильм). Умеем ли мы отыскать? — Т. СЕМАШКО. ПОДВОЙНИК. ГАСТЕВ и ЕРМАНСКИЙ о своем отделе и об отделе молодежи. Проф. А. Б. ЗАЙКИН — Нервы молодежи. Б. ГАЛИН — О Шуре с темственной (очерк). Проф. В. В. ГОРИН — СКИЯ — Летний отдых молодежи; ПЛОВУЧАЯ ЗПРАВНИЦА (фото-страница); СПОРТ и СЕРДЦЕ — что говорит вышнейшие профессора-специалисты. К. ЕЛИСЕЕВ — На р. как? по Северной Индии. Н. ОГНЕВ — Следы динозавра (повесть, окончание). ШАШКИ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ.

Страничный рисунок Е. МАЛЬДЕЛЬБЕРГА — История развития английской техники.

Иллюстрация — Ю. ГАФКА, К. ЕЛИСЕЕВА, И. МАЙЮТИНА, К. КОВОТА, М. ХРАПКОВСКОГО.

Фотообложка — Р. КАРМЕН.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский переулок, д. 3/4. Тел. 8-30-88

Группы подписчиков, напечатанные на ма-
шинке или член от руки на одной сто-
роне листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Преплатить все отправления

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 50 к.
6 мес. — 12 —	1 — 50 —
3 — — 6 —	1 — —
1 — — 2 —	35 —
Отдельный №	10 —

Полнскому принимает Отдел Периодических
Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

НА ОКЕАНСКОЙ ВОЛНЕ

Урда. МЮР. Перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО

(The Reurt of Enterprise)

Рис. Ив. МАЛЮТИНА

— Долге и вам сказать, что в молодости я был очень отважным. Все мои тайные помыслы были сосредоточены на том, что выражается двумя словами: «видеть мир». Мне хотелось увидеть мир, и это заставило меня пуститься в плавание на грузовом пароходе, с капитаном которого я случайно познакомился.

Нет нужды пересказывать историю нашего плавания или же распространяться о нашей жизни на пароходе. Достаточно будет сказать, что посреди Атлантического океана в машинах «Дельфина» произошла поломка, и пароход остановился.

Если вам приходилось когда-либо испытывать что-нибудь подобное во время большого плавания, то вы знаете, что есть что-то зловещее в этом внезапном прекращении работы машины посреди океана. Попасть в полосу штиля и застыть на месте, с парусным судном—тоскливо и скучно, но если застыть на месте пароход, то это кажется настолько странным, что порождает страх. День и ночь машины стучат так, что их стук проливается в мозг костей, и внезапное прекращение этого стука невольно ошеломляет вас. Когда «Дельфин» вдруг остановился, я бросился на палубу с такой поспешностью, как будто мы находились на льдину. Восторг нас было только море, но я несколько не нутрился бы, если бы увидел впереди пароходола скалистый остров, льдину, разбитое бурей судно или еще что-нибудь, что могло послужить причиной нашей внезапной остановки.

Машины на «Дельфине» были старые, поломки случались часто, но паровые механизмы всегда прекрасно справлялись с повинной. Мне сказали, что через сутки пароход опять двинется дальше, а пока нам предоставлялась неограниченная возможность любоваться достаточно однообразными красотами океана.

Стоял полный штиль: не было ни малейшего ветра, и яркое солнце светило на безоблачном небе. Пока «Дельфин» находился в движении, температура казалась нам довольно прохладной, теперь же, когда мы застыли на одном месте, жара становилась все более ощутительной. Море было гладко, но эта гладь не означала, что оно было спокойно; наоборот, «Дельфин» сильно наклало на мертвой льдине. Поверхность этой льдины была без единой морщины, отполированная и блестящая, как глазурь, но ее холмы и ее долины были гигантски высоки и глубоки, гораздо выше и глубже, чем я представлял себе в то время, когда наши машины еще работали и мы двинулись вперед. Теперь же, качаясь беспомощно на воде, мы поднимались вверх, на блестящую вершину огромного водяного вала, и затем летели вниз. И размерные эти взлеты, и головокружительные спуски гигантских качелей совершались—что особенно было удивительно—при полном отсутствии ветра. Это была в высшей степени необычная картина. Бесновито огромные водяные валы никогда не разбивались, и даже у бортов парохода не было ни малейшего плеска. «Дельфин» просто качался вверх и вниз на волнах, но так плавно, словно ни сколько-то махнул.

Зрелище это захватило меня. Я стоял у пирса, исследовал чудесной качкой, и постепенно сделал открытие, что мы ни на один фут не выдвинулись вперед, ни назад,—мы просто поднимались и опускались по вертикальной линии.

Это открытие, на первый взгляд пустяковое, страшно меня заинтересовало. Я достал у повара пустую жестяную коробку, бросил ее в море как можно дальше от парохода и стал наблюдать за ней. Вы может быть скажете, что эту жестянку должно было стеснить в сторону таким сильным колебанием волн или же прибить ее к борту парохода, но на самом деле она все время оставалась там, где была, и спустя час приблизилась к пароходу не больше, чем на десять дюймов.

... Я ринулся вперед, как безумный...

В моем уме постепенно созрел один план. Я пристально посмотрел вниз на воду. Она имела вид зеленого стекла и в ней можно было видеть на несколько футов глубины. Стоя на корме, я чувствовал уже порядочную жару, и может быть поэтому море за бортом казалось мне невыразимо привлекательным. Вдруг и повернулся к спальному дремавшему капитану и воскликнул:

— Я хочу выплывать!

— Я купаться? — удивленно повторил капитан.

— Да. Вот именно. Хочу выплывать.

Капитан лениво пробрормотал, что купаться на такой глубине опасно. Как будто в воде в три

мили глубины скорее можно утонуть, чем в воде глубиной в три савелии... Моряки в этом отношении—очень странные люди. Я не хочу сказать, что они не умеют плавать, хотя смело можно утверждать, что средний моряк—плохой пловец. Но они так, ну, как бы это сказать?—они так не предприимчивы. Находясь в сфере постоянных приключений, они совершенно не замечают окружающего и не проявляют склонности ни к приключениям, ни к романтике.

Я был молодым, всю жизнь прожил в городе, и тем не менее в одном моем мизинце было больше предприимчивости, чем в целом старом черепе этого капитана, изнедавшего весь свет. Я хотел

Андрей крепко спит...

— Андрюшечка, — произнес Илюша кавалерным sprawlo, как поет левина Немцова «Сольва», — Ты очень хороший человек... Ты лучший наш товарищ, мы так тебя уважаем, мы любим тебя, товарищ Бобков, как преданнейшего товарища...

Но если бы знал ты, читатель, каким противным, до чертй извским и наглым басом сказал он, этот тяжелый увален!

— А я тут спяду.

И в самом деле он отошел к стрелкам, сел на скамеечку и вынул папиросу... Что же было делать? План с самого начала рвался, как папиросная бумага в руках пьяного. Мы еще не успели выйти из Москвы, не успели пройти двух верст...

— Андрей, в самом деле так нельзя.

— Искупаться?

— Нет. Еще искупаемся...

И он вкрадчиво протянул почти шопотом:

— Пива выпить стоит?

И еще вкрадчивей:

— А?

В принципе я против пива, но что за принципиальности, если хороший товарищ просит. Андрей Бобков молчал. Он все-таки чувствовал себя виноватым и последовал за нами тудолобовой. Прощада. Пьюка. Сначала выпили для охлаждения, потом для удовольствия, потом вообще по инерции, потом за примирением с Андреем — почувствовали себя так, что — да, мы, действительно, поехали не зря и культурно отпьемся.

Перед нами в два ряда стояло восемь бутылок пива и мы не помню что-то говорили насчет того, какие мы организовавшие и выдержанные люди, смотрели друг на друга нежно и вероятно начали бы целоваться, если бы добрый ветер не занес в столовую... наших будущих знакомых.

Случилось это быстро как в кино.

Илюша воскликнул, сияя глазами и потным носом:

— Наташа!

А Наташа воскликнула, сияя глазами (нос у нее был припухлым):

— Илюша!

Ну, и прочее так... Как? Откуда? Какими словами? С Наташей две другие Наташи... Ну, может быть не Наташа, а Лиза... незнаком Наташа — отпустила. Ее подруги — не знала.

Знакомились. Говорили о погоде, о Волге, о... в общем хорошо говорили. Они общались хорошо говорили. Они общались, а мы говорили. Потом мы шли к пристани, а они говорили. Мы говорили вообще. А они — по существу, конкретно и ясно о том, что нам следует (почему следует) проехаться с ними по Волге до Нижнего, а потом вернуться назад на свой Плесс, где мы будем баснословно купаться, плавать, грести, чертовски заботясь свое здоровье.

И мы сделали так... Купили билеты и поехали... с барышниками... до Нижнего...

Когда я платил в насу, мне стало малъ своей молодости, будто я губил себя навеки...

— Дайте, — жалобно сказал кассиру, — три блета до Нижнего.

— Почему же три? — спросила, смеясь, милая (я ненавижу ее до сих пор) Наташа. — Верните на всех сразу, а там рассчитаемся.

— Где это — там? — подумал я. «Там» — это абстрактно.

Но гордо доправился, сделав выражение на лице, какое присуще Ротшильду:

— Виноват... Шесть билетов.

Поплыли... Волга блистала всеми своими сокровищами, рождаемыми в сочетании воды и солнца. Волга светлела и сумерки сиреневым шопотом о том, как хорошо жить на свете молодым парням, которые едут на парошке с девушками и девушки улыбаются им ласковыми веселыми глазами... Я не знаю, что там еще шептала Волга, но знаю, что шептала Андрей Бобков:

— Томе... Поехали... Малохальные...

Вечером была луна и я говорил какой-то из Наташ, что она совершенно неесторично девушка, и она отвечала, закатывая глаза:

— Ах, неужели вы так думаете?

— Да, я так думаю, — утвердил я, и врал, врал, как самый бессовестный человек, ибо думал я в то время: а не забудете ли вы мне отдать долг за билет.

... Забыли. Когда мы утром прощались со своими знакомыми, Андрей было замчал, потуляясь...

— А ден...

— Виноват. Шесть билетов

Илюша щипнул, толкнул, ударил в бок Андрея. Де в ушки и ухажи трамваем в город. Илюша стал на пристани учиться хорошему тону Андрея:

— Неудобно. Я знаю Наташу. Ну забыла. Вернет в Москве. Она очень приятная девушка.

— А я ее приличием сыт не буду?

— Балла!

— Бабник.

... Ну, такое дело — помирить надо было ребят, и пошли попить пива, поест, обсудить... Долго обсуждали, и обсуждение то стоило нам 5 рублей 67 копеек плюс 6 билетов — 18 рублей, еще по дороге — 7 рублей 82 копейки, итого — 31 руб. 49 к.

Иногда арифметика бывает противнее касторки.

Мы сели на берегу Волги, бросали камешки в воду и смотрели на круги, ими образуемые.

Перед нами лежала топящая в дымке сумерок, широкая перспектива Заволжья и это была вообще единственная наша перспектива — ехать за Волгу, поселиться где-нибудь в деревне и хоть там отдохнуть... Плесс умер, как степной огонь в бурную ночь...

Перезавели нас за Волгу.

Побремы мы по деревням в поисках квартир. Волга скрывалась... отдалился и свиток пароходов... Может, какой-то из них уходил вверх на Плесс, где художник Левтан писал свои лучшие картины, где мы хотели...

Да, хотели, но через две недели четвертым классом без плашкарт, зяме, голодные, похуже ехали в Москву.

Молчали, как пробки.

Мы сидели на берегу и бросали камешки...

И среди ночи вдруг ошочил с пола Илюша, вдруг окрикнув нас тревожно:

— Ребят!

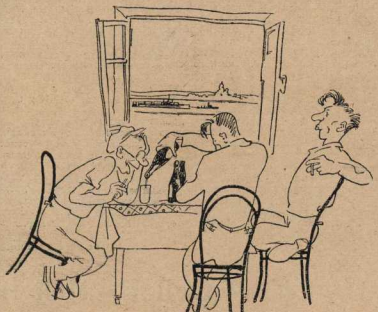
— Чего?

— Вы знаете, что?

— Что?

— А ведь мы же ни разу не искупались...

а?... ни разу... Андрей ничего не сказал, а хотел что-то сказать. На утро нас встретила Москва жаром и пылью. Рычали и дымили автобусы.

Сначала выпили для охлаждения, потом для удовольствия...

— А по носу, момчи.

— Попова... Этнографические наблюдения... быт... деревни... леса... ты поумая только.

— А зачем мне этнография, ежеля я металлост.

— Дурак!

— От дураков слышу.

Видите, какие интересные разговоры.

На Ярославском вокзале мы долго ждали поезда на Кинешму.

Часа два ехали унылые. Молчали. Андрей Бобкова совершенно бойкотировали, хотя он не замечал этого, потому что крепко спал, бормоча во все тихие слова. Мы тоже говорили тихо и в общем тихо и мирно сошли в городе Кинешме, где стояла пыльная жарь, а с Волги дуд свежий ветерок... Но вот, как только дойду в своих воспоминаниях до ветерка, так непременно помешает что-нибудь уауриться в лирику.

Илюша облизал языком губы.

— Ребят, а как вы смотрите насчет охлаждения?

У М Е Е М Л И М Ы

в 1 час ночи товарищи клюют носом от усталости, а я сижу с совершенно свежей головой, — я эту разницу приписываю исключительно последнему отбою.

Вечером обычно бываю заседания или выступления.

Часом вечернего отдыха, особенно если возвращаешься уставшим с какого-нибудь большого доклада, я люблю проводить в театре и больше всего в опере. Я считаю, что музыка и песни являются лучшей формой отдыха.

По воскресеньям я настойчиво стараюсь непременно подышать чистым воздухом и «смаковать» Правду, это не всегда удается — иногда отравляют спешные дела, но я стремлюсь к этому с большой настойчивостью и обыкновенно добиваюсь. У меня есть укромный уголок при одном санатории,

где я, благодаря любезности главного врача, нахожу гостеприимство. Летом я люблю пройтись на велосипеде. Зимой страстно люблю ходить на лыжах. В воскресенье в уединении я выполняю свои литературные недовольства.

Так, в общем, я работаю и отдыхаю. Могу сказать только одно: мне сейчас 52 года, но в работе, в здоровье, да, пожалуй, и в силе, выносливости в физических упражнениях я, по ловкому выражению тов. Разанова, потягиваюсь с двумя двадцатилетними молодцами.

Я приписываю это исключительно тому режиму, хоть и очень далекому от совершенства, который я установил. К слову сказать, я не курю, да и к алкоголю не имею никакого тяготения.

Н. А. Семашко

Как я работаю и отдыхаю

Я охотно отвечаю на вопросы «Смены», ибо полагаю, что кое-что из моего режима следовало бы позаимствовать и другим товарищам.

Начинаю я работу около 9 часов утра. Подрабатываю дома, что нужно делать в этот день в комиссариате, или пишу спешные статьи. В начале одиннадцатого обыкновенно начинаю работу в комиссариате.

Около 2-х часов непременно завтракаю. Это отнимает у меня около 5—7 минут. Но я неизменно замечал, что в тот день, когда не удается позавтракать (бывало в каких-нибудь заседаниях), утомляешься гораздо быстрее и работа идет гораздо хуже.

В 4¹⁵—5 часов я обычно кончаю работу в комиссариате и еду домой обедать. После обеда 15—20 минут непременно отдыхаю. Если в эти часы бываю заседания или выступления, я все-таки хожу 10 минут, но отдыхаю, «обмываю мозги».

Этот отдых, хотя и кратковременный, имеет исключительно важное значение. Приезжаясь домой усталый, а после отдыха едешь в таком бодром состоянии, как будто только начинаешь трудовой день. И когда я вижу, что в 12 часов или

Защищайтесь

Я считаю практически бесполезным для молодежи прилягивать как отдыхают старшие работники. Их отдых в большинстве случаев случаен. Это — анархичный случайный, недостаточный отдых. Смотреть на него, как на образец для молодежи, невозможно ни с какой стороны. Гриваться по отдыху старших для нашей молодежи никак нельзя и не должно, тем более что перед молодежью стоят ее неотложные задачи. Молодежь должна отдыхать организованно и организовывать свой отдых главным образом по линии военнизации.

Дорога каждая минута. События так грозны, что каждая минута, которую молодежь может использовать для военнизации, обязательно должна быть использована, потому что от этого будет зависеть здоровье и сама жизнь молодежи и всего Союза, когда придется защищаться.

Это не значит, что молодежи должна только военнироваться, и вообще самую военнизацию не следует понимать, как муштру и специально воинские занятия. Военные занятия сами по себе. Но надо организовать и нормальный отдых так, чтобы он был полезен и с точки зрения военнизации, приспособления человека к армейским условиям и к условиям похода.

Для этого самый обыкновенный лагерь дает все желательное. И нужно усиленно реорганизовать комсомольскому возрасту такие же лагеря, какие устраивают у нас пионеры. Для укрепления здоровья нельзя жалеть ничего лучшего, в особенности если лагерь можно устроить в лесу. Тут и чистый аэрированный воздух и все возможности физического равновесия. А если поблизости речка, то можно прямо считать положение идеаль-

ным по бальнеологическим данным, выражаясь семашкинским языком.

А для военнизации здесь важно все. Самая жизнь на открытом воздухе, причащающая тело не боится простудных заболеваний. Затем постоянный распорядок жизни, общий для всего лагеря: общая еда утром в определенный час, общий обед в определенный час, чай, ужин, — все это и есть военнизация, подготовка к походу.

Прежде всего все эти совместные регулярные и постоянные действия всеми лагерем чрезвычайно коллективизируют, причудливо и совместно действуют. Лагерь преобразуется одновременно и одновременно нежится спать. Лагерный коллектив совершает свои прогулки или более значительные переходы, путешествия — сплоченной колонией. Самые эти переходы каким-нибудь образом распределяются по часам дня, точно так же, как и другие занятия, работы, игры. А все это и есть условия похода, т. е. основного способа жизни на войне.

В лесу придется готовить на кострах — то же самое придется делать часто в походе. А сплести костер на ветру, да еще под дождем — этому надо научиться.

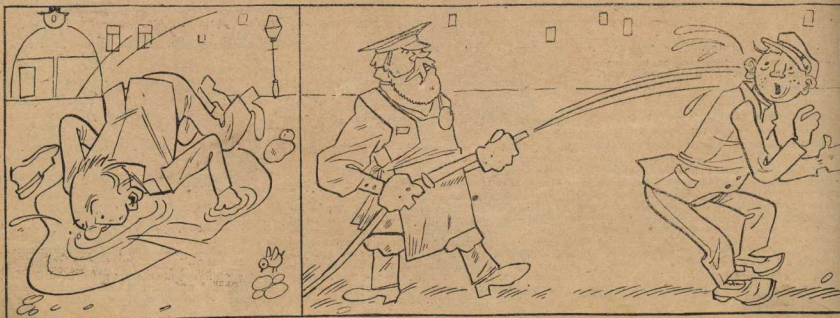
Дальнейшую, более специальную военную подготовку ребята будут получать в соответствующих кружках Осоавиахима, но и при этом им будет часто вспоминаться и помогать тот опыт, который они получат в лагерях.

Множество полезных мелких навыков и умений приобретаетесь в таком лагере; как, например, ставить палатку или построить шалаш правильно, срубить дерево, уметь ходить по лесу, не сбавляя с направления и т. п. И все они имеют значительную военнизацию.

Н. И. Подвойский

КУРОРТ В ГОРОДЕ ИЛИ

Рис. Ю. ГАНФ

ГРЯЗЕВЫЕ ВАННЫ

ХЛЕСТАЮЩИЙ ДУШ

ОТДЫХАТЬ?

Отдых ли „ничего не делать“?

Есть такое девчата, ты им—слово, они тебе—десять в ответ. Комсомолка Ферাপонтова за словом в карман не берет.

— С ребятами гуляем по вечерам—вот и весь отдых,—полшутливо, полусерьезно отечанила она.

Шутка шуткой, а отдыхом она считает—ничего не делать. Ничего не делать—это значит погулять на бульваре, поборить в клубе, зайти в буфет чайку выпить и заодно переборщить словом с ребятами. Ни о чем не заботиться, ничего не делать—это значит отдыхать.

Но после чего, после какого труда нужно отдыхать? После фабричной работы чаще и больше всего проходит в пареные работы. А именно: кружки, заседания в комсомоле, в профсоюзе, в клубе, физкультура и пр.

Комсомолка Ферাপонтова незаметно была экривом у себя в вечные, т.-е. активистка. Теперь она—чел бабама. Как и всякий активист, она страдает от засветательской сутенги. Заседать приходится тут ли не каждый день. Она даже не позволяет наметнуть на вопрос об отпуске на заседаниях.

— Какой там отпуск,—перебивает она, замахая руками.—Духота, сырдал, махурено—последний час, не знаешь, как бы поскорей ноги унести. Там же встает она против лубных веверов и эккурсии (беспорядков).

Вот физкультура оказывает на нее прямо противоположное действие: — После физкультуры, особенно после гребни, самочувствие бывает очень хорошим. Не то, что после засветаний.

Теперь, как же у нее проходит отдых в домашней обстановке? Домашней работы у нее немного. К тому же она и сама не проявляет, повидимому, к такой работе большой охотности. Какую-то злоспущную кофту она начала шить (шевель) еще три недели тому назад и до сих пор не кончила: то времени нет, то отложить хочется. Редкая минута в домашней обстановке большей частью проходит с книгой в руках. При чем книга позволяет восстановить силы, ведь даже в это угломление быдо и не в слело. За интересной книжкой можно отдохнуть. Но если перед этим углошение было велико—лучше не берись. Липкий сон скрепляет это углошение первой же страницы.

По-разному все отписки к воскресному дню. Мыслью с горечью вспоминают воскресные дни: стирка, уборка и прочие неустраиваемые неприятности одолевают в праздник. Ферাপонтова по семейным обстоятельствам не обременена такими заботами и в воскресный день, приукрасив свой костюм, отправляется гулять с самого поляна.

Где мне отдыхать? Как только кончаю работать, иду на вечерний расфак. Приходитесь и в воскресенье готовиться, а отсыть не могу.

Хорошо—особобили от общественной работы, раньше очень трудно было, и ту и другую работу заваливал.

Читаю очень много. Беру у нас на фабрике и на расфаке. Когда читаю беллетристику, то это—мой отдых. Ее читаю после работы, часов до 11, а по воскресеньям встаю попозже и по занятию почтаю немного.

Не берите с нас примера

Я еще не дожид до того времени, когда смогу отдыхать нормально.

Премле всего и должен перекрыть все рабочее время сотрудников, а потом куда-нибудь надо ехать...

Есть у меня некоторые новации, но настолько индивидуальными, что не могут спит—таки послужить указанием. Например, я всегда могу заснуть, когда захочу. Своего рода самовнушение.

Вообще я считаю, не следует молодежи рассчитывать поучиться отпуску на личном примере отественных руководителей. Они могут научить нас отдыхать, но сами отдыхать не умеют, не могут, потому что время свое не пает ни этой возможности—отдыхать нормально.

А. К. Гастев

Сон и холодная вода

Поскольку вопрос ставится о качественной, а не о количественной стороне повседневного отдыха, могу сказать, что практика не расхотится у меня с теорией. Поработавшая за день до обеда основательно и накопивши изрядное количество утомления, я после обеда ложусь спать. Самый полный и снисывательный отдых—сон. После полнотера-вухчасового сна (если ничто не помешал) чувствую себя опять работоспособным. Умывшись основательно холодной водой, моюсь со сменой головы работать до поздней ночи, а то и до яври.

К этой основной форме моего регулярного повседневного отдыха прибавляются еще две нерегулярно применяемые формы: 1) небольшая прогулка по более тихим переулкам, окружившим мою квартиру, с использованием возможности рассматривать отдаленные предметы, так как почти все остальное время глаза работают под физическим большим углом зрения, глядя в бумагу, на которой пишушь, или книгу, которую читаешь; 2) чтение в едлетристки, имеющей целью—захватывать факлами или художественными качествами отвлечь мысль от невольного продолжения ее работы в прежнем направлении.

Проф. О. А. Ерманский

Иногда в кино

Вечером в воскресенье идем компанией в кино или так просто погулять. Конечно, веселее отдыхать, когда в компании есть девчата.

Ковнер. Закройщик фабр. «Красная Швей». Молжалошес.

Встаю в 6, на завод прихожу минут на 10—15 до звонка. После пяти—домой, а вечером идушь куда-нибудь в город погулять. В центр, конечно. Ну, с барышнями бывает. Не они идушь, а компания, соберемся несколько человек. Иногда

в кино задем, иногда в театр. Ну и все. Потом спит мало.

В субботу—баня. Это не отлук.

В воскресенье поспит, появляешься часов до десяти. Почитаешь газету. Ну, и поешь по Симонове, забьешь к ребятам. Клуб днем закрят. Так и день проходит.

Фамилию не стоит писать.

Тонарь с зав. «Динамо», 20 лет, беспартийный.

ЛЕЧЕНИЕ БЕЗ ЗАТРАТ

ОБЩИЙ МАССАЖ

У ИСТОЧНИКА

Червы молодняка

Грф. А. Б. ЗАЛКИНД

Молодняк, занимающийся физическим трудом, и молодник «мозговой». Летом—время укрепления и накопления сил. Половое поведение летом.

Состояние нервной системы нашей молодежи требует большого внимания. Поэтому особенно серьезно следует продумать, как использовать лето с наилучшим результатом для нервного укрепления молодых организмов.

Нельзя давать осли и те же советы всей молодежи в целом. При советах надо учесть и возраст, и предыдущую нагрузку и общее состояние здоровья—иначе огульные советы дадут самые отрицательные результаты.

Возраст, требующий самого бережного отношения—возраст переходной, между 14 и 17—18 годами, когда нервная система особенно возбуждима и чутка. Именно в этом возрасте легко переутомиться со всеми летними мероприятиями, так как возбужденный молодник падок на всякие обманы,—но именно в этом возрасте такое «избыточное усердие» особенно опасно, так как вместо отдыха и нервного укрепления создает дополнительную нагрузку, т. е. и лобочную усталость впоследствии. Поэтому всякие летние процедуры, связанные с возбуждением нервной системы, для подростка (переходный возраст) не годятся. Нельзя ни в коем случае злоупотреблять перебарыванием на солнце, нельзя устраивать из речных и прочих купаний материал для спорта, соревнований и т. д., когда вместо 3—5 минут работы проводится в воде по полчаса и больше, что является не отдыхом для нервов, а погрязанием, резко утомляющим ударом по всему организму. Вред от такого удара может почувствоваться не сразу, но от такого самообмана опасность не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается, так как подросток, не замечая урона, продолжает и впредь свою ослику. Надо избегать (подростку) слишком прохладной воды. Длительные и утомительные передвижения на ногах, как с туристской, экскурсионной целью, так и для физкультурных задач,—нервам подростка приносит вред.

Поспелерхаживать почти зрелый возраст (17—20—22 года) требует меньше предосторожности, но и с ним, конечно, нельзя обращаться бесцеремонно, так как нервная система всегда требует особенно чуткого к себе отношения, в том числе и у вполне взрослого человека.

По предыдущей нагрузке молодник в основном надо разделить на два слоя: ребята, идущие

главным образом на физическом труде, и ребята, занимающиеся «мозговой» работой. Первые должны летом получить физический отдых, покрепиться питанием, не «заупотреблять передвижениями, но в то же время имеют право на экскурсионные поездки с культурными целями и на некоторые вообще «равновесные» мозги, который был заторможен головной физической работой. «Мозговой» же молодник, переотмывши себя умственной работой, должен особенно осторожно относиться ко всяким путешествиям, экскурсиям и т. д., так как они вместо необходимого для мозга отдыха накапливают дополнительную нагрузку, добавочный умственный материал, усиленные мозговые впечатления, требующие обдумывания, напряжения, т. е. утомления. «Мозговика» лучше всего провести свободное летнее время в условиях покоя, легких передвижений и нетрудной, простой физической работы, конечно, по возможности при хорошем питании; при этом избегать горячего солнца и всяких физкультурных изнств.

Можно разделить ребят по состоянию их нервной системы на несколько групп: 1) ребята истощенные, измученные, ослабевшие «физически»; 2) ребята физически здоровые, но с возбужденной нервной системой; 3) ребята физически здоровые, но с унетенной нервной системой; 4) ребята здоровые во всех отношениях. Конечно, каждой группе надо дать различные советы. Первые требуют самого лучшего питания, абсолютного покоя, оберегания от движений, экскурсий и т. д. Вторые требуют процедур, которые уторможили, успокоили бы их: спокойной, дисциплинирующей гимнастики, воздушных ванн нагнемом в теплом, тенистом месте (1—1½ часа в день в 2—3 приема), коротких, но возбудующих экскурсий в немногочисленных группах, вымательно пооборанных, и не утомляющей легкой физической работы. Угнетенные ребята требуют специального подхода, который следует продумать совместно с врачом, так как надо выяснить причин угнетенности: нервные ли истощения или иные причины.

Длительные путешествия, экскурсии на горячий юг, изобилие новых впечатлений летом годятся лишь для здоровых ребят, не испытывавших в нерваном отношении. Поэтому следует горко относиться к теперешним увеличениям длинныи пу-

тешествиями (авою Волгу на лодке», стремления на юг и т. д.), надо продумать, как комплектовать эти экскурсионные группы. Если в такую группу попадут возбужденные, нервно-изнтенные ребята, они не только повредят себе, но и перепортят всю группу, изуродуют все путешествие, так как во все начнут вносить шум, а приверженность, лишнюю торжественность и прервут хороший отдых в бессмысленном азарт.

Особенного внимания требует летом половая самодисциплина. Летние месяцы—месяцы накопления сил для головной работы, а никак не пора растраты утчки сил. Именно молодник, лето должен быть особенно суров и скромно в половом своем поведении, так как необычайно легко растерять все накопившиеся нервные силы на излишнюю половую активность. Организм молодника в 17—19 лет еще не успел до конца сформироваться, работа половой железы остро необходима еще для развития мозга и других главных органов, именно летом эти органы получают новую для себя толчки и силы,—ног почему опасно тратить работу половой железам на ранние половые акты. Лето для молодника—время накопления, укрепления, а никак не время утчки истощения. Это нужно помнить каждый день, и это особенно легко осуществимо именно летом, когда и без того вокруг масса радости, масса богатых, насыщенных впечатлений отовсюду.

Не следует летом задаваться серьезными мозговыми планами. Мозг должен получить в летний отдых выскомпальную разгрузку, только тогда он будет работоспособен весь остальной год.

— один совет. Надо так провести лето, чтобы не только использовать его для нервного и общего укрепления, но и получить за лето разумные гигиенические навыки, пригодные для всего дальнейшего времени. Летом не должно быть отрываю от всего прочего года—летом-леги гигиена на первом плане, а дальше—хоть травма не ралли. Именно в это время надо на научить и т. д. гигиенические навыки жить весь год. Летом есть время этому научиться, а весь год надо реализовать плоды летних вымчки. Лишь при этих условиях лето принесет действительно прочную пользу—и в течение года не будет тех тяжелых нервных истощений, которые слишком часто накапливаются сейчас у нашего славного молодика.

ВЕЧЕРНИЙ ДОСУГ

Прости, меня, мой старый, верный друг,
Мой карандаш, исписанный до точки.
Не раз с тобой в вечеровой досу
Писал и за день сделанные строчки.

А иногда, случаясь между строк,
Когда луна склонялась к закату,
Я вспоминал, что нынче снова рок
Прочтешь любимую поэму «Азнаты».

И в этот час, под солнечный напев,
Под звонкий окрик комсомольской глотки,
Кавалю мне: я по Москва-реке
Плыву с любимиой девушкой в аэлке.

В моей груди стучит на все лады,
Ее глаза цветут веселым маем.
И тихий шепот воздушной воды
В своей любви мы с ней не замечаем.

Высокий густ и горячий разговор
И смесят мот в дождич поделу,
Потом опять реке наперекор
Идем на пристань, спорим и балаем...

Прости меня, мой старый, верный друг,
Мой карандаш, исписанный до точки.
Но в этот час и коротка досу,
Сменили тебя на солнечные строчки.

Вал. Александрова

Л Е Т Н И Й О Т Д

Проф. В. В.

Сумеет—

Нам в при-
вычку—

Работать!

Воевать!

Теперь же

С солнцем
смычку

Осуществим
На-яты..

Х МОЛОДЕЖИ

ВЕСКИЙ

Причин утомления много, и они вызваны не одной только работой. Продуция живой машины была бы значительно больше, если бы изменились условия, в которых протекает работа, были бы полнее.

Достаточно вспомнить, как работают наши активисты, не знающие меры в работе. Их захватывает не только количество работы, но и ее среда и быт, с их антигигиенической обстановкой.

Несмотря на довольно энергичную санитарно-просветительную работу в кружках, наша молодежь мало думает о чистоте воздуха в помещениях, где она работает, сит и ли развлекается. Как прокурит эти помещения, как много в них еще пыли и грязи, как редко они проветриваются и как мало соответствуют минимальным требованиям гигиены!

А, между тем, молодежь хорошо знает, что дым, пыль, грязь — опасны для здоровья и безусловно понижают качество работы. Ту же ответственную или самую другую работу молодежь могла бы совершить без вреда для здоровья при выполнении самых минимальных требований гигиены.

Когда весной открываются настежь двери и окна и чистый воздух врывается в жилье, условия жизни и работы сразу улучшаются, но ненадолго: летняя жара, дымка и пыль, особенно в городе, опять на всю работу накладывают тяжелое и лишнее бремя; усталость от работы не уменьшается, а часто усиливается. Из города приходится бежать, чтобы отдышаться и отдохнуть за его «ртом», «на лоне природы».

Не отдыхайте, лежа на боку

С понятием об отдыхе у многих связывается представление чуть ли не об абсолютном покое. Попадая в город в деревню для отдыха, многие ребята делают себе «позвоночник», отдыхаясь, а высыпаются, отбавляют и зачастую умышленно ничего не делают. Хуже всего то, что такое времяпрепровождение кажется им гигиеничным и полезным для ремонта тела, а между тем, это — заблуждение.

Во время работы человек тратит некоторые запасные силы, которые он черпает из пищи. Эти силы должны быть пополнены, и некоторые перерывы в работе нужны для того, чтобы питательные вещества лучше ассимилировались, т. е. превратились в нашу плоть и в запасы энергии, затрачиваемой на производство работы тела, как внешней, так и внутренней.

Отдых или перерыв в работе нужны еще для удаления тех материалов, которые являются продуктами работы и накапливаются в организме в количестве тем большем, чем больше была работа и чем меньше оставалось времени для удаления их из организма кожей, кожей, дыханием.

Если в организации за более или менее продолжительный срок накопилось не мало продуктов утомления, мешающих работе, то является для него необходимостью по возможности скорее избавиться от этих вредных веществ, иначе неизбежны дурные последствия переутомления в виде болезни, в редких случаях возможна даже смерть от перерыва работ.

Чтобы избежать вреда человека от продуктов утомления, вызывающих утомление, необходимо предоставить ему абсолютный покой. В тяжелых случаях утомления может быть это и нужно сделать, но когда утомление делается хроническим и продукты утомления покидают организм не скоро, а выделяются, видимо, с большим трудом, надо прибегать к средствам, активизирующим весь организм. Это значит, что должны быть пущены в ход средства, увеличивающие обмен веществ и доставляющие в кровь много кислорода, чтобы усилить деятельность сердца, легких, крови и других органов. Эти средства: физкультура, воздушные ванны, водные процедуры. Лето — время года, особенно пригодное для активизирования организма еще и потому, что вся окружающая природа оживает летом. Каждое живое существо, весь животный и растительный мир летом проявляют максимум своей энергии, в природе замечается возбуждение, прилив новых сил: все новое как бы торопится короткий промежуток времени использовать для роста, размножения, для всякого накопления сил, для укрепления и оздоровления. Человек не представляет, конечно, исключения из этого общего правила. И хорошо послушает тот, кто, относясь сознательно к летнему отдыху, пожелает его использовать наилучшим

образом. Тем долее, что человек отдохнувший должен бодро присутствовать к работе с новым запасом сил, которого должно хватить на весь зим.

Бывают случаи, когда летняя работа, даже очень приятная и вполне омысливаемая, настолько истощает силы отдыхающего, что по окончании отпуска, присутствуя к своей обычной работе, он чувствует, что вовсе не отдохнул и не набрался сил.

Весь отдых от таких излишеств идет обыкновенно на смарку, а новая работа поднимает силы окончательно, сопротивление организма уменьшается. При таком состоянии всякая случайная болезнь поражает организм гораздо сильнее.

Основные требования летней гигиены

Пробывание в атмосфере чистого воздуха по возможности днем и ночью — это первая заповедь физкультурника, ремонтнирующего своей организм в летний период.

Летом пользоваться чистым воздухом гораздо легче, чем во всякое другое время, и комомосил, вынужденным остаться в городе, работая, например, в клубе, все-таки может использовать наиболее благоприятный момент, чтобы деть экскурсию за город и т. д. Своим жильем нужно подвергать возможно частому проветриванию и содержать его в постоянной чистоте и порядке. За зиму все углы помещения проливаются нередко сыростью, вследствие редкого открывания окон, большой скученности жильцов и произведений разных домашних работ (например, стирка белья, варка пищи). Является необходимостью основательно высушивать эти сырые помещения, подвергнуть их влиянию солнца и сильного ветра.

Обилие всякого «добра» в наших жилищах весьма вредит здоровью. Это «добро», в виде тряпья, мягкой пыльной мебели и даже книг, не представляющих в иных случаях никакой ценности, является нередко ненужным хламом. Многие жильцы квартир такое «добро» берегут, не давая себе никакого отчета, для чего они это делают. Нужно солгать себе при этом постройно относиться ко всякому хламу и без нужды его не накапливать, так как за этот хлам мы нередко расплачиваемся своим здоровьем: так много в нем вредной пыли и грязи.

Летом через открытые окна и двери летают к нам наши вредители: мухи и комары. Первые приносят нам в рядках и в виде болезни. Летом особенно опасными являются брызжистый, кровавый понос, холера и чихотка. Распространителями этих зараз нередко бывают мухи, перелетающие с нечистоты, содержащих эти заразы, на хлеб, на овощи и всякие другие пищевые припасы.

Хужею отбросы, помойные ямы привлекают этих насекомых; избавиться от них в условиях скученности очень трудно, но с этим злом все-таки надо бороться общими санитарными мерами; в целях личной безопасности, зашавешивать открытые окна и форточки кисеей. Это необходимо делать и ночью, так как летом спать при открытых окнах является делом первой важности.

Знакалившае влияние чистого воздуха, аходящего через открытые окна, на организм — теперь общезвестно. Завешивание окон кисеей для предохранения себя от комаров — носитель малярийной заразы (болотная лихорадка) и малярийных насекомых — обязательно.

Несколько слов о летней одежде. Где только возможно в жаркое время года можно ограничиться ношением трусиков, женщинам — трусиками и блузкой. Такая одежда дает свободный доступ воздуха ко всей коже. Выигрывает для здоровья от этого больше, особенно если тело подвергается частым обмываниям, душам, если ребята купаются, плавают и достаточно часто принимают ванны. Как обильного потения и пыли тело скоро грязнится.

Следует упомянуть здесь и о так называемых соляных ваннах. Молодежь очень их любит, потому что они «закаливают». Конечно, под «закалом» подразумеваются укрепление здоровья, но и еще что-то. Играет, видимо, большую роль цвет кожи, так как многие просят изменить, так как окрасится в тот или другой цвет солнечными лучами. Цвет кожи у разных лиц от действия лучей получается разный, но в эффект их действия тоже разный. Многие вместо желаемого цвета кожи: «шоколадного, светло-коричневого или бурого с красноватым оттенком, получают ожоги в виде пузырей или других повреждений кожи.

В худших случаях получается сильное перенагревание тела с дурными последствиями (бессонница, головные боли и т. п.), и все это происходит от неумеренного пользования солнечными лучами.

Надо помнить, что окрашивание кожи под влиянием солнечных лучей представляет явление самозащиты организма от вредного влияния химических лучей, а потому следует осторожно закаливаться, т. е. постепенно и последовательно надо дать коже нужное время, чтобы приспособиться к новым условиям прямого действия на нее солнечных лучей.

Добившись того, что цвет кожи сделался вполне защитным цветом, можно пользоваться пребыванием на солнце при полном обнажении тела во всякое время дня. В этих случаях нет надобности здоровому человеку тратить время на ненужное лежание на солнце, солнечный луч действует на тело и тогда, когда человек занят какой-нибудь работой, находясь на солнце.

Во з д у ш н ы е в а н и м берется обыкновенно в тени, в обнаженном состоянии; они приучают кожу к различным колебаниям температуры.

Однако, не следует и тут перегибать палку: длительное обнажение тела на ветру или в холодное время в конечном результате лишает нас тело значительного количества тепла. Такая потеря тепла совершенно бесполезна, ничем не оправдывается, даже если бы в результате не последовала простуда. Ведь никакой благоприятный человек с целью закаливания, не посоветовал бы другому погрузиться на $\frac{1}{2}$ часа в холодную ванну, даже зная, что от этого никакой болезни не последует. Тепло есть сила, эту силу мы берем из пищи, организм работает, чтобы превратить пищу в эту силу,—к чему же эта напрасная трата сил, к чему это часто опасный эксперимент, который, в лучшем случае, носит характер чудачества.

Теперь остановимся кратко на физических упражнениях, применяемых в течение летнего отдыха. Они активируют организм.

Виды летнего спорта

Металлисту или грузчику требуется больше физического покоя во время летнего отдыха, чем переплывцу, канцеляристу, швею, портному, работающим сидя в душной комнатной обстановке. Но и металлист, кузнец, почтальон, грузчик, чтобы ремонтировать свой организм, в целом не должны во время отдыха лежать или сидеть, им нужно во время отдыха пускаться в ход всю свою живую машину, чтобы хорошенько очистить ее от накопившихся шлаков тела, нужны регулярные экскурсии, прогулки в здоровой местности, а также плавание, игры, легкий воляной спорт.

Таким образом, профессия или род занятий в течение зimy имеют большое значение при выборе физических занятий в летний период.

Независимо от этого все занятия физической культурой решительно для всех отдыхающих обязательны на открытом воздухе: на пляже, на лужайке, на площадке для игр и в крайнем случае, во время дурной погоды, можно ограничиться упражнениями в хорошо проветренном помещении при открытых окнах.

В и ж е к п р и р о д е — вот девиз отдыха для жителей города. Активная физкультура должна сблизить внешнюю природу с природой человека. На лоне природы все задачи по оздоровлению тела и по его укреплению специальными физупражнениями выполняются гораздо успешнее, чем в городском окружении.

На этом основании туризм (прогулки и поездки за город в мало-известные места), а также экскурсия имеют самое большое значение.

Давно замечено, что даже длительные экскурсии для уставших от работы людей не опасны. Свежий воздух полей и лесов, переживание за счет собственных сил, новых впечатлений и радостных переживаний настолько оживляют весь организм, что страхи за свое здоровье быстро исчезают, получается уверенность в приливе новых сил, и делоamenta организма быстрыми шагами подвигается вперед.

Х о дь б а предлагается как метод лечения на курортах и при осторожном применении этого физикультурного средства оказывает пользу даже самым больным, страдающим сердцем и легкими. Для умелой молодежи она является мощным средством роста организма; ее лучшая форма — туризм и экскурсия, при условии их хорошей организации.

Если считается прежде всего с гигиеническими требованиями, то на первый план в период летнего отдыха поставить те физупражнения, которые усиливают деятельность всего организма в целом, а следовательно, повышают его обмен. К таким упражнениям принадлежит все те, которые побуждают совершать передвижения, в пространстве: бег, прыжки, метания, гребля, плавание, так как в этих движениях участвует большинство мышц нашего тела и работа организма от этого сильно повышается.

С передвижением в пространстве связаны многие подвижные и спортивные игры, главные элементы которых: бег, прыжки, метания и борьба. Подвижные игры в высокой мере гигиеничны и вполне отвечают целям ремонта и оздоровления тела; в них кроется еще и другое преимущество: они эмоциональны, т. е. поднимают веселое настроение участников игры, являются лучшим средством против скуки, вредного «ничего-неделания» и т. п. препровождения времени, когда нет ни тенниса, и к л а п и р о с к и, и к картришкам, и к виню и т. д.

Но в выборе игр нужна большая осторожность. Лучшие на них упражнения бывают односторонними и, взглянув человеком целиком, приносят ему безусловный вред.

Возьмем для примера футбол. Игра общественная, интересная, воспитывает волю, характер, товарищескую солидарность. Но многочисленные преимущества этого спорта аннулируются в тех случаях, когда игра доводится до азарта, до самолюбия, до неуступчивости.

Футбол — спортивная игра для развитых и вполне здоровых юношей. Раньше 17-ти лет едва ли можно допускать на состязания в футбол, а между тем в эту игру вовлекаются нередко слабые и недостаточно развитые.

Наиболее ценными в гигиеническом отношении видами спорта в летнее время следует считать плавание и греблю.

Плавание, гребля и вообще водный спорт относятся к одному циклу физкультурной, особенно благоприятно действующих на наше здоровье и на физическое развитие. Кроме того, они в высокой степени ценны для выработки характера и других свойств мужественной и полноценной личности.

Среди лиц, занимающихся физкультурой, могут встречаться большие, односторонние развития тела, пострадавшие от профессионального труда — могут быть рекомендованы особые движения, часто повторяющиеся в целях борьбы с различными недостатками. На таких упражнениях основана коррекция (исправление) неправильных форм тела или исправление неправильных, красивых, нецелесообразных или неэкономичных движений.

Например, можно попытаться соответствующими физупражнениями исправить кривизну, сутулость или исправить дурную позу, нецелесообразные приемы бега, прыжков, метаний, борьбы и т. д.

В некоторых случаях разные недостатки наблюдаются в самом зачаточном виде и, если на них не обратить должного внимания, они развиваются и складываются трудно-исправимыми. Можно предупредить эти недостатки в форме тела и в движениях; для этого нужно подобрать соответствующие физические упражнения, такие упражнения и будут называться в профессиональной или в предпринимательской среде.

Как пример такого упражнения, можно привести напряженные выгибания тела, применяемые в настоящее время при игре с перелачей большого мяча назад, сосну и т. д. Ужкие рамки статьи не позволяют дать описания отдельных физических упражнений; в ней не указана также методика применения средств, называемых факторами прироста (применение солнечной энергии, воды и воздуха). Многие численные популярные сочинения, имеющиеся в настоящее время на книжном рынке, могут только полнить этот пробел. Они указаны в литературе по самообразованию.

Литература по данному вопросу:

1. Проф. В. В. Гориневский. Ремонт и закаливание организма. Изд. МГСПС «Труд и Книга». Москва. 1925 г. Ц. 75 коп.
2. То же же автора. Гигиена физических упражнений. Изд. ВФФК. 1925 г. Ц. 90 коп.
3. Б. А. Калыпаев. Физкультура для всех. Биб. краев. спорта. 1924 г. Ц. 80 коп.
4. Сборник статей «Физич. культура летних». Физкультизд. 1925 г. Ц. 50 коп.
5. То же. «Физкультура в деревне». Ц. 45 коп.
6. Э. С. Медведовский. Гигиена физкультуры. Издат. Наркомларва РСФСР. Москва. 1927 г. Ц. 50 коп.
7. И. М. Сарказов. Сарказов Лечитесь солнцем.
8. Его же. Моря и реки. Ц. 65 коп.

Рис. М. Храковского

ПЛЯЖНОЕ

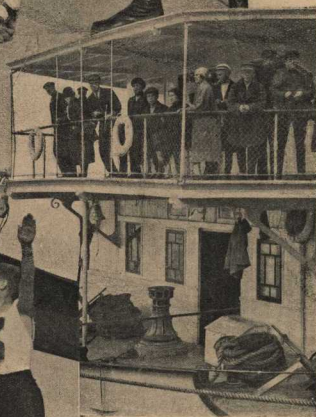

Ой, как знобит, как обидно:
Ни-чо-е в водах не видно...

Фот. П. Гроховское.

Новая ЗДРАВНИЦА

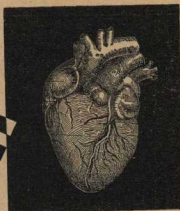

78 рублей 24 копейки за здоровую, красно-обставленную поездку, по раздольной Волге!

Две недели солнца, купаний, физкультуры, «Жемчужина» — идеальный дом отдыха, каждые две недели уходит в рейс, увозя на своих палубах до 200 человек молодежи. Места покупаются через железнодорожную сумму входит железнодорожный проезд до пристани и обратно домой.

В ближайший — третий рейс «Жемчужина» отправится в 20-х числах июня.

Спорт и СЕРДЦЕ

ЧТО ГОВОРЯТ ВИДНЕЙШИЕ ПРОФЕССОРА- СПЕЦИАЛИСТЫ?

На сердце—центрально органе кровообращения—наиболее тяжело отражаются неправильные и неумеренные занятия спортом. Болезни сердца являются физической работоспособности человека, заставляя быть чрезвычайно осторожными при всех движениях и упражнениях. При правильной тренировке, совмещаемом отношении к требованиям своего здоровья, спортивные упражнения укрепляют сердечно-сосудистую систему; всегда этим мощную базу здоровья под органами человека.

Ниже мы помещаем краткие выдержки из трудов мировых и советских ученых о влиянии физических упражнений на сердечно-сосудистую систему.

Проф. Фердинанд Шмиат:

При физических упражнениях обмен веществ вызывает повышение работы дыхания и сердца. При впадении кровь в легких обогащается газом—кислородом. При мускульной работе требуется гем больше кислорода, чем сильнее и больше эта работа. Этот кислород должно доставить сердце, которое, соответственно усиливая свою работу, проталкивает через работающие мускулы больше крови, содержащей кислород. Количество требуемого кислорода определяет размеры работы сердца. Это количество может возрасти во много раз. Так, известный ученый Луцц нашел, что расход кислорода у лошади средней силы в состоянии покоя равняется 1300—1400 куб. сант. в одну минуту; при умеренной работе он повышается до 4300—4500 куб. сант.; при более сильной, продолжающейся часами работе он увеличивается в 6 раз и доходит до 7600 куб. сант.

Что помогает работе сердца. Каждое сокращение мышцы усиливает приток крови к ней. К работающей мышце приток крови значительно больше; мускулы, сделавшись от сокращения тверже и толще, надавливают на податливые стенки окружающих его вен и заставляют венозную кровь продвигаться быстрее. Тем энергичнее будет это воздействие, чем больше мышечные массы будут двигаться и чем чаще будут чередоваться сокращения и расслабления

их. Другой вспомогательной силой для ускорения венозного кровообращения является разгибание суставов, особенно после сгибания. Кровь в венах течет к сердцу быстрее, когда суставам выпрямлены и задерживаются при их сгибании и сжатии вен. Человек, сидевший долгое время согнувшись над письменным столом, инстинктивно чувствует, насколько благотворно действует на него, если он поднимется и сильным движением вытянет вверх руки.

Этот переход от согнутого положения к стоячему—прямо к высоко-поднятым рукам и легким наклонам назад головы и грудной части позвоночного столба (что связано с глубоким дыханием)—составляет особое упражнение.

Движения, которые сопровождаются ритмической сменой полного сгибания и разгибания бедер, как например, ходьба, восхождение на гору, бег, гребля, езда на велосипеде и др., пейсуют на венозную вену и ее сокращение, как присасывающий и нагнетательный аппарат, который проталкивает к сердцу вилу текущую в венозных венах крови.

Но больше всего помогает работе сердца дыхательные движения. При влохе дыхательные мускулы расширяют герметически замкнутую грудную полость и разряжают воздух легких. Согласно законам физического закона, внешний воздух через единственный вход, а именно через гортань и дыхательное горло, всасывается в легкие; это присасывающее влияние распространя-

ется и на лежащие в грудной полости между правым и левым легкими сердце, в особенности на его тонкостенные прослойки, которые при этом и наполняются. Эта присасывающая деятельность особенно нужна для удаления из нижней половины тела венозной крови, которая, преодолевая действие силы тяжести, должна через нижнюю поющую вену подняться к сердцу.

Обратно действует выдох. При этом давление воздуха легких сокращается под сильным давлением. Это давление распространяется на сердце и усилено отлив крови из сердечных желудочков в артериальную систему. Чем глубже и чем чаще чередуются вдох и выдох, тем сильнее это помогает работе сердца, как при его наполнении, так и при опорожнении.

Влияние велосипедного спорта на сердце. Езда на велосипеде способна перенапрячь сердце больше, чем какое-либо другое упражнение. Известны случаи внезапной смерти велосипедистов от усталости, при попытке напрячь последние силы, чтобы быстро взлететь крутой подъем. Объясняется это тем, что в каком физическом упражнении переутомление и перенапряжение не подхватит так внезапно, как при езде на велосипеде. Объяснение при чрезмерном телесном упражнении появляются известные предостерегающие признаки, показывающие, что нужно прекратить упражнение. При усиленной ходьбе об этом говорит чувство тяжести в коленях и голеностопных суставах, при бет

Легкая атлетика наиболее благоприятно действует на организм.

Длительные упражнения менее вредно влияют на сердце и легкие, чем упражнения скоростные.

Неумеренная езда на велосипеде способна перенапрячь сердце больше, чем какое-либо другое упражнение.

Движения в футболе сильно возбуждают сердце. Часто это возбуждение еще больше усиливается страстностью зрителей.

Гребля напрягает дыхание и ошпаривает кожу, замедляет темп в работе. При езде на велосипеде чувство перенапряжения незначительно; дыхание повышается умеренно, а что пульс едва делает в минуту вдвое больше ударов—этого человек не чувствует. Незаметно напряжение сердца доходит до высшего предела, до истощения. Несомненно, что из всех видов легкого спорта умеренная езда на велосипеде больше всего является причиной постоянного расстройства нервной деятельности и таких заболеваний, как расширение сердца, нервное сердцебиение, ангина и т. п.

Проф. В. В. Гориневский:

Сердце, приспособляясь к работе, меняет свой ритм и свои свойства. В благоприятных случаях масса сердца увеличивается, другими словами, увеличивается его тела за счет толщины стенок. Это явление гипертрофии (расширения) сердца, которое до известных пределов не заключает в себе ничего патологического (болезненного). Явление это вполне отвечает наблюдаемому физиологическим упражнениям развитой мускулы. Но избыточная гипертрофия опасна. Все опасности уменьшает разумная, плановая тренировка, а научный контроль при видах охотничьих, самоконтроль и сознательное отношение к физкультуре позволят, пожалуй, умственно устранить всякую опасность с этой стороны.

Д-р Ф. Лоренц:

Лучшим способом тренировки развития сердца является занятия бегом. Почему это? Бег развивает большие и практически полезны в жизни мышечные группы и является самым эффективным движением тела. Бег при посредстве мышц и крови пред'являет большие требования к сердцу и легким. Пополнение кислорода и обмен веществ в организме повышается при беге, в вышней степени к этому присоединяются еще влияние воздуха, света, солнца.

Нельзя серьезно заниматься несколькими видами спорта сразу. Основное внимание следует уделять одному спорту, другие должны проводиться лишь в целях дополнительного физического развития.

Проф. Ф. Гюппе:

В течение многих лет мне не приходилось уже встречать случаи гипертрофии сердца у хороших легко-атлетов, астероние и правильно занимающихся бегом, прыжками и метаниями.

Физиологическая и гигиеническая ценность легкой атлетики, спортивных игр, занятий греблей и плаванием заключается в том, что они оказывают чрезвычайную благоприятную влияние на сердце. Так, в отличие от многих других видов физических упражнений, сердце меньше подвергается регрессивным процессам (быстрому смирению и т. д.) именно после занятий естественными видами спорта, даже когда таковые проводятся менее прилежно.

Нужно запомнить, что длительные упражнения менее переутомляют сердце и легкие, чем упражнения скоростные. Упражнения скоростные утомляют сердце и дыхание, упражнения на продолжительность вызывают общее утомление. Но последние при длительных чрезмерных напряжениях может привести к самому опасному состоянию.

Д-р Феликс Дейч и Эмиль Кауф:

Каждая вид спорта может в большей или меньшей степени влиять на величину сердца.

На первом месте по влиянию на увеличение сердца из летних видов спорта стоит гребля; затем идут: велосипедная езда, плавание, восхождение на горы; значительно меньше отражается на сердце легкая атлетика и спортивные игры (футбол и др.).

Движения в футболе несколько напоминают движения в легкой атлетике. Но здесь присоединяются еще другие влияния, действующие на сердце: сильное возбуждение, испытываемое

игроком при каждом состязании и очень часто усиливающееся благодаря страстности зрителя.

Гребля требует значительного расхода энергии, вызывающего зачастую состояние полного истощения. По наблюдениям венской лаборатории занятия греблей дают самый высокий процент увеличения сердца—27,3 проц. В большинстве случаев сердце при гребле (напряженной спортивной гребле) увеличивается на 1,1—1,5 сант., в то время как в других видах спорта увеличение сердца не превышает большей частью 0,6—1 сант.

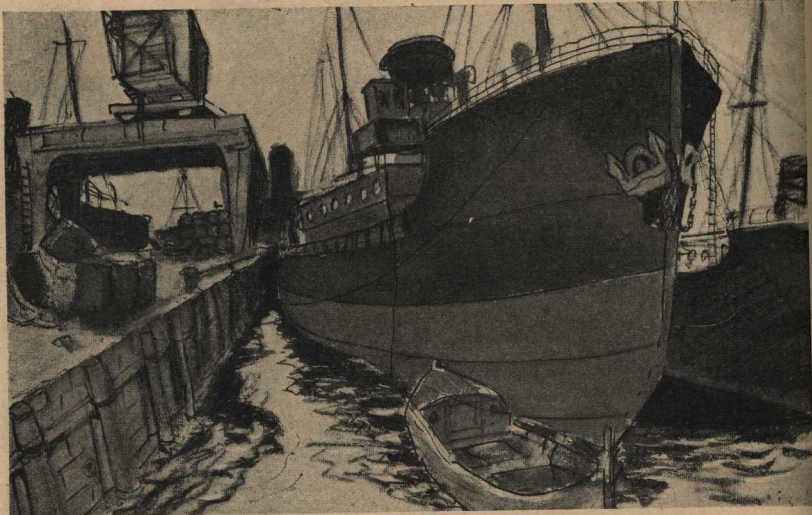
Влияние плавания на увеличение сердца объясняется тем, что сильно затрудненное в воде дыхание дает большую нагрузку аппарату кровообращения. Плавание сопряжено с особенно резким напряжением сердца. При исследовании было установлено, что пловцы-чемпионы обладают большими размерами сердца, чем остальные. Объясняется это тем, что пловцы за рекордами требуют особенно напряженной тренировки, а это вызывает увеличение сердца. Вместе с тем исследования удалось установить, что техника спортивного плавания влияет на сердце одинаково, независимо от стиля пловца. Также не имеет значения, тренируется ли данный пловец на длинные или короткие дистанции.

Ватерполо (игра в мяч на воде) приводит к большому увеличению сердца, чем другие виды плавательного спорта. Объясняется это как особым напряжением игры, так и возбуждением участников. При правильных занятиях плавательный спорт оказывает вполне благоприятное влияние и на сердце.

Легкая атлетика является одним из видов спорта, наиболее благоприятно действующих на организм. По исследованиям даже напряжение состязаний в беге, напряжение усиленной тренировки вызывает меньшее увеличение сердца у бегунов, чем у пловцов.

К. ЕЛИСЕЕВ

Порт в Архангельске

„НА РУКАХ“ ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

Записки худ. К. ЕЛИСЕЕВА

Весною прошлого года и задумал осуществить свою старую мысль—написать коллективную книгу, должествовавшую отобразить уклад жизни новой, Советской Руси. Для этого у меня был, примерно, такой план: 3 литератора и 2 художника садятся в Москве у Крымского моста в большую лодку и плывут до... Астрахани. В пути «делается» книга, для которой материал—путь на протяжении 3.000 верст. Книга должна была называться «По матушке» и вилку, мелку («по Волге»). Название до некоторой степени обрисовывает характер и уклон задуманной книги—юридический.

На мое приглашение откликнулись многие известные литераторы и 2—3 художника. Все заинтересовались и «загорелись». Однако, когда твердо было назначено время отъезда, все один за другим отказались, и остались с намерением ехать только я, да еще один студент Вхутемаса, М. Вольпин. Так как ни о какой книге не могло быть уже и речи, решили ехать «просто» порисовать и посмотреть. Тогда же наемом порешили вместо Волги поехать по Северной Двине, обещающей больше неожиданностей. За два дня до отъезда к нам присоединился еще один товарищ, художник Ш. В таком составе да еще в сопровождении пси-очарки Дугласа мы и выехали в гор. Великий Устюг, где купили в конторе Госпароходства старую шлюпку. Покрыл ее фанерным настилом и устроил палубу для спанья, мы 30 июня пр. г. вышли из Великого Устюга от истока Северной Двины по направлению к ее устью—к гор. Архангельску. Нам не повезло с погодой и почти весь путь, продолжавшийся 23 дня, пришлось плыть под резким северозападным ветром, душем прямо в лоб, и не позволяющим не только пользоваться парусом, но страшно затруднявшим даже ход на веслах, хотя мы и плыли по течению. В результате на 3 или 4 суток пути наш третий товарищ Ш. не выдержал и «спился» на берег; мы же твердо решили проехать весь путь до конца, т. е. дойти до самого Архангельска, куда и прибыли 22 июля. Почти весь путь пришлось пройти «на руках», т. е. на веслах, а это составляет свыше 700 километров. Ясно, что при таких условиях почти

вся наша энергия уходила на греблю. И все же, махавши из нас находил(возможным) что-то рисовать и записывать. У меня в результате остался «судовой журнал», который я, как «интуитивное» судно, вел мажорданно. Печатающийся ниже эпизод и есть отрывок из этого моего журнала... Утром встает по обыкновению часов в 5. На дворе вчерашняя погода. Равные серые тучи, сильный мороз и редкий мелкий дождь—хоть плачь! Опять, значит, греби изо всех сил против ветра, чтобы за 2—3 часа сделать 3—4 версты, а впереди—многие сотни верст.

Хлеба в стороне достать не могли, а на хозяйки сказал что по ближайшей деревни всего 12 верст, так что хлеба добудем.

Прощаемся с хозяином и его семьей и грузимся в лодку. Ввиду сильного лобового ветра на воду становимся сразу оба—нашему по ислу. На фарватере громадные волны с седьми гребнями бьют лодку. Часа через два совсем выбили из сил, а лодка все еще на виду у покинутой нами створки. Положение отчаянное. Правый борт, крутой и лесистый обещает некоторую защиту от ветра, и мы наваливаемся на весла, чтобы

К. ЕЛИСЕЕВ

С попутным ветром

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Н. ОГНЕВ Рис. Ю. ГАНФ
(Окончание)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДУДУЩЕГО. Французский профессор-палеонтолог Дормье едет через

Москву в Монголию — с научными исследованиями в Центральной Азии. Вместо скоростной машины и встречного бридмана профессор встречает в Сицистуне и его приятеля Френкеля. В Монголии же профессор узнает, что едет-то на северо-востоке живет динозавр. Предполагая, что речь идет о легендарном Динозавре, профессор захватывает лему с собой. Однако, в пустыне Гоби скрипящая лама приводит с собой хулузю и ее аксакабию, бросив караван с базисом, пригрозившая искать спасения на ту сторону Великой Китайской Стены. Профессор Дормье находит себе убежище у владыка ламаний, андучинца Дасея. Сицистуну старичок рассказывает о плен русских белогорцев и уводит на смерть с целью использовать его, как доказательство империализма СССР в китайских делах. Френкелю удается в расположении рабочей народной армии остаться арподом, и он хочет сделать выкупить Сицистуну, но ему ставят условием доставку денег в Ухан, куда Френкель и прилетает во время смута нар. рев. армии.

23. Никаких гвоздей

— Э, братишка, что же — пылая перегаром какой-то ужасной водки обильный Ваську Сицистуну солдат. — Нешто они люди? Они в роде осыевы. Спать же — разбойники. Хулузю они, вот они кто. И самый хитрый главный — Чмак-старинашка — тоже хулузю. Наша офицерна, конечно, к нему подумывается, но, это все от мафона. Видел я его, Чмака-то. Ну, у него, нах, из воронкиных музиков старого понятия. — Солдат вздохнул.

— А ты давно из России? — утрюмо спросил Ваську. Тело болело и мыло, кисти рук, сдавленные мушкетерами, садилами; кроме всего прочего, хотелось есть.

— Я из России давно, — помолчал, ответил солдат. — Я, братишка, из России с самого Китая. Забыл, с чем се едят, Россия-то. — Солдат нехорошо ухмыльнулся. — Польститься мы на воюку на дешевую... эхххи.

— Правда, ста-ба-ты, Россию за выпивку, — подковырнул Сицистуну.

— Про-лал, — протянул язык солдат, но внезапно обомлел. — А ты, знай-показывай, сволота... Помни, что ты есть арестованный. Туже разговаривай.

Дулкаса заргомыхала по камням. Угрюмая улыбка кака-то стала появляться, открываясь большая площадь. Возница-китайца, не переставая нахлыстывать мула, обернулся и странно подмигнул Сицистуну. Сицистуну, недоумевая, осматривался кругом, и внезапно заметил: к тегу-тегу стоял на расстоянии четырех метров от земли такой приростен человекского голова; поодаль, у плетня, стояло распятое белоглазое туловище.

— Вот как с нашим братом — коммунистами разговаривают, — хвистято сказал солдат. — Да вои, никак, еще одного утробить хотят...

На площади казнили не одного, несколько китайцев. Полуголые желтые люди со связанными назади руками были поставлены на китаяц; около каждого высились большие белые доски с китайскими написаниями; палачи в солдатских гимнастерках размахивали дубинками, мотыльками сени-рами. Кругом, в отдалении, толпились отдаленные кучки артелей. Впрочем, народу было немного, много было, что зрелище мерзкое.

— Ну, а как в России-то? — спросил солдат, которму, видно, надоело молчать. — Голод, чай?

— Да ведь я арестованный, — неслесло ответил Сицистуну. — Мне нельзя разговаривать.

— Говоришь — налоги имперерные... Седи муку шуку, буга, дерут.

— Нешто ты арестован, с того солтыма и дерут? — нехотито ответил солдат, — Голод, чай? — разговоривать; тело продолжало желтеть; где-то внутри ройлился и пошла разгулявать по всему телу мелкая противная дрожь.

Не жалея их хлебушек? — неожиданно и вполне дружелюбно предложил солдат, вытисни из науки бутылку с мутной жидкостью. — Рыбная, ханшин называется. Градуоо на пьетесь свет...

Васька отказался. Солдат хлебнул сам, спрытал бутылку и достал из мармама краюку серого хлеба. Ваську, похолол, солдат предложил Ваську хлеб был съест и выжидать, ведь в крупиных махори; Васька стал, однако, есть с удовольствием.

В штаб прятаться к вечеру. Китайские солдаты окружили Ваську и повели в наезникин Ваську. Хлеб был съест, проволкой, дом.

Представитель китайского генерала — некий чин в шелковом халате был надул и важен. Русский офицер с одуловатым лицом казался его подчиненным.

— Ты что, комсомол? — лениво и нехотя спросил офицер, наставляя на бумагу американскую автоматическую ручку.

Васька молчал.

— Молчать будешь? — такие лениво проговаривал офицер. — Хуже будет, сукин сын. Прижмут по-дошам — зашьшь белуга.

Васька молчал.

— А, вот ты какой, голубчик? Ну, ладно. А в один могло бы и обойтись. Например: плав, мяноване и все такое. Свобода. Как думаешь? Все молчишь? Все рано — заговоришь, па лозно

Представитель китайского генерала был надул и важен

будет... Так вот: с тебя требуется только это: признай, что большевики прислали тебя и других на подмогу китайским большевикам. И что евет есть несколько партий.

Васька молчал. Офицер встал, лениво раскачиваясь, пошел к Ваське и внезапно, со всего размаху, ударил его по носу. От неожиданности Васька ударился о стену, но точно же пружиной отскочил и рухнул на офицера. В тот же момент Ваську схватили за плечи несколько человек.

Очулся Васька — зверски избитый и сбитый — на платформе броневоза; кругом сидело несколько русских солдат с винтовками. Ваську куда-то везли.

24. Красные пихи

Все началось очень просто: старшина приказал Чин-Бао-Си отгдть в полове англованя последнюю и очень тшущую утку. Когда Чин-Бао-Си стал хватать старшину, старшина пригрозил ему мина-туанями. Чин-Бао-Си отгнул овечку в дальнее поле, подался в яму и открыл негодям бамбуком. Тогда пришли мина-туаны и стали бить Чин-Бао-Си по спине, по животу и в шаше по лицу — до тех пор, пока Чин-Бао-Си, окая, кричати, повел мина-туанов в поле и подал овечку; кругом сидели, туанов всю дорогу говорили Чин-Бао-Си о том, что он, старый след, не хочет, чтобы во всея Небесной стране настал мир, а наоборот: хочет войны и беспорядков.

Чин-Бао-Си очень хотел мира и порядка, но еще больше он хотел, чтобы никто не мешал ему

дойти к нему. Река в этом месте имеет ширину версты 1/2, чтобы попасть на ту сторону, нужно верное пеработать. Еще и еще надежен на река, но волны хлещут и лодка вырвется носом. Вдобавок мы замечаем, что лодку начинает нести назад, против течения. Дулка покусывает на муфте, сбивает еще ничего не ел со вчерашнего дня. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

Приваривались к берегу, запрягли шитями ша. Отлично гробом — чем бы удержать на месте, но видим, что и это невозможно. Продолжишь так часа 3 и проехать всего лишь 4 версты, судя по карте, с троском вырвется на левой берег, имеющий вид бесконечной песчаной косы, кое-где покрытой чадяим ракушечником.

обрабатывать свое поле, чтобы никто не стирал урожай, чтобы его животные были действительно его животными, чтобы никто, в том числе минауты, не приходили с пракой собирать их в пользу какой-нибудь армии.

— Вот вам овечка, мой почтенный, — следовало сказать Чин-Бао-Си, обрываясь негодный фамбуку. И эти—последняя моя овечка. Сминая зашли солдаты еще в позарешный урожай, и забрали вместе с урожаем. Другие солдаты отняли кошку. Собака тоже ушла куда.

Сказав так, Чин-Бао-Си заплакал, потому что его разжалобили собственные слова. Но минауты не плакали, наоборот, они пошли в деревню о большим весельем, потому что, обирая бедняков, они освобождались от платей англоянузских и хранили свое имущество.

Чин-Бао-Си сидел в овечьей яме, пока не стемнело. В темноте он пошел в деревню, но его остановили какие-то люди.

— Стой!—крикнули эти люди.— Кто смеет ходить по дорожке перед захода солнца? Разве ты не знаешь, что это запрещено нами?

— Я не знаю, кто вы такие, мои почтенные, — жалобно ответил Чин.

— Также не знаю я, почему запрещено ходить в темноте. А я—бедный маленький Чин-Бао-Си, у которого встал последний овечку.

— Кто же взял у тебя овечку?—грозило сирици люди.

Чин объяснял, и люди позвали его с собой. Они пришли к реке, переправились на лодке к ту сторону и там увидели костер. Вокруг костра стояли и сидели люди, и Чин-Бао-Си узнал в них кое-кого из знакомых и соседей. Они из лодки перешагнули, и Чин-Бао-Си слушал и думал, что никогда не слышал столько слов сразу.

— Почтенные друзья, — говорил человек, — это мирные люди и не хотим никакой войны. А между тем, вот уже пятнадцать раз прошел праздник нового года, а война не прекращается. По всей нашей благословенной провинции Шань-Си разгуливают генералы, полки и у каждого из них есть солдаты с пушками и ружьями, и эти солдаты хотят есть, пить и спать, не работая...

— Это очень верно, — важно заметил Чин-Бао-Си, потому что ему не было, что человек обращается главным образом к нему.

— Но это мало, почтенные друзья, — продолжал говорить.— Солдаты уходят, но на их место приходят другие, которые берут все, что не успели отобрать те. Потом приходят третьи, четвертые, пятые солдаты, и все они сраются, потому что нечего больше отобрать... Но гораздо хуже попутают циния, потому что они не только соряют свои деньги, а и начинают рубить замешающих голодом, как вот, поэтому, почтенные друзья, мы уходим в горы и присоединяемся к тайному союзу «красных пики»... Мы будем бороться и с солдатами, и с циниями, и с минаутами, и с белыми дьяволами, — со всеми, кто притесняют нас мирно жить и работать...

Чин-Бао-Си решил, что все это правильно и остался с «красными пики».

В горных перевалах скапливаются лед—может быть годками, может быть десятилетиями, а может быть—и веками. Но бывает так, что лед не выдерживает больше своего собственной тяжести и сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, наконец—стремительно двигается вниз, сметая все на своем пути. Грозная ледяная лавина. Смерть идет всех, кто стает на ее пути. Таковы и крестьянские восставшие всех времен, леков и народов. Таково и движение китайских «красных пики».

Красные пики выступили рано утром на заре, Чин-Бао-Си был вместе со всеми, и он был вооружен серпом, надетым на длинную палку. У других повстанцев было такое же оружие, но некоторые были вооружены еще и традиционным оружием. К повстанцам красные пики подступили к железнодорожному пути. Первые же люди, сползающие к насыпи, сквирули рывком. Путь был закрыт. Волер восташего народа ижение больше

производиться не могло. Чин-Бао-Си ликовал; он решил, что красные пики уже победили.

Машинист бронепоезда, наполненного русскими кондотерами¹, вовремя заметил опасность и пустился в дело тормозов. Поезд остановился, но со всех сторон на него устремились полуголые, оборванные, истощенные люди, вооруженные косями, палками, серпами и просто дубинами.

Заработали пулеметы, —наперебой, как весенние гуся—и с насыпи потащили люди, сбивая по пути еще не задетых пулями, но неуклюжо карабкавшихся вверх. Чин-Бао-Си полком добрался до самого верха насыпи, но здесь-то его и срезал пулемет, —Чин-Бао-Си склонился к песку и замер.

Васья Сивостунг слышал шум боя, ровную и точную работу пулеметов, но сделать ничего не мог: ему только и оставалось—смотреть вверх. И вот, сверху показался кретик аэроплана, стал увеличиваться, снижаться, и повис над полем.

— Друг или враг?—лицорадочно думал Васья.— А что, если друг?—Аэроплан стал опускаться круги, словно выискивая удобный место для спуска.

Внезапно где-то недалеко ахнул взрыв.

— Что такое?—закричал один из пулеметчиков, выискуяущих за бортом платформы.

— Японцы бомбят фронт, —ответили откудаль-то внем.

Пулеметы работали, заглушая рокот мотора и рев наступающих китаев. Но новый взрыв заглушил их равномерный стук.

За лошадей бежал профессор, несладо стреляя в воздух из револьвера².

— Что за чорт? Никак японцы в паровоз ахнул?—крикнул тот же пулеметчик.

— Бегущая—бомба!—раздалась команда. Пулеметчики легли на пол платформы, рядом с Ваской. Новый взрыв потряс Васкин слух совсем рядом. Пулеметчики вскопили на ноги и один за другим полезли через борт платформы. Один из них полочками к Васье и взаключ финским ножом.

— Конеч, конеч, —погумл Васья и замурил глаза. Но тут же почувствовал, что руки стали свободными; взглянул, увидел, что пулеметчик лихорадочно чиркает ножом по веревке, связывавшей ноги.

— Бегй, браток, —сказал пулеметчик.— Какникак, а русский... Не то японцы бомбы разорвет. С этими словами солдат скрылся за бортом. Васья, все еще лежа, осторожно расправил зацепные руки и ноги.

— Ку-да, сволочи?—раздался над самым Васкиным ухом и Васья стал неподвижен. Высокого роста офицер прыгнул к пулемету, открыл замок, потянул из ящика ленту. Собрав все оставшуюся силу, Васья мотнул рукой по полу, ухватил горсть земли и песок. Встал на ноги и швырнул песок замку пулемета. Офицер обернулся, схватил Васку за руку. В этот момент офицер протянул серп на длинной палке и ренул офицер по голове. Рука офицера ослабла, Васья лихнул его кулаком в грудь и отскочил в сторону. Через борт платформы лезли полуголые желтые люди.

¹ Кондотеры—наемные солдаты; в этой роли выступают в Китае русские белогвардейцы.

Васья мотнулся к другому борту и, перемахнув, потащился по насыпи вниз. Настрет ему со снизившегося самолета бежали люди.

— Френкель, Френкель!—последние слова закричал Васья.

— Френкель, Френкель!—радостно кричал Васья.— Френкель вынесел!—радостно кричал Френкель, размахивая музеем.— Да, беда, брат бела: бежини весь, в баках на закуру не осталось.

25. Тайна дракона

На веранде, где профессор Дорме и мистер Гарри Джонс вели интересный спор о преизвотстве китайского в Китае азиатского или французского, ворвался надсмотрщик Троттер.

— Мистер Джонс, у нас меланхо! — В чем дело?—пролаял Джонс.

— Туземная прислуга вся оставила работу, рабочие исчезли с плантации.

— Что?—завыл Джонс.— Эти черт азиат бунт против меня? А вы ничего не делаете, Троттер? Не знаете своих обязанностей?

— Но, господин, красивые пики...

— Чепуха, —отрезал Джонс.— Никто не смеет тронуть англичанина. Повесьте парочку— вы успокоитесь! Едем в бараки!

Погрохотый станком киски-сала. Джонс и сопровождающий Троттера выехали из ворот усадьбы. На повороте из кустов выскочило несколько китайцев.

— Мерзавцы, на работу!—качал на них Джонс, размахивая плетью. Но плеть не успела опуститься. Десятки рук ухватились за узы, и ноги, за руки потащили Джонса с седла.

— Троттер, на помощь!—закричал Джонс. Троттер рванул револьвер. Один из китайцев упал. Кусты заселил шум. Отосканду на дорогу высыпали рабочие.

Джонс дуродным усилием увернулся в седле, лошадей, уколота пыкой, сбילה одного из китайцев и помчался по полю.—Какется, слышите, погумл Джонс, поджвкая через заливные воды к локу.

— В чем дело?—тревожно спросил профессор, перегибущий через перила.

— Бунт. Революция. Большевикская пропаганда!—отрыснот ответил Джонс.— Надо спастись!—кукик расстрелял!

— А как же ваше алигине...—расстрелял спросил профессор. Джонс махнул рукой, соскочил с лошади и бросился в дом. Через пять минут Джонс снова показавал на веранде; в одной руке он держал вичнестер, а в другой—небольшой самовар. Англичанин молча отогнал уезжену лошадь от перена и вскопчал в седло.

— А как же и?—спросил профессор, побжевая и схватившаяся за ступни.

— Как хотите, —бурнул англичанин, — и, дернув стремя, поспал к заливным воротам; от толчка профессор поклатился в сторону, но тутже не встал, отстранился и направился было к конюшине, но в этот момент Джонс галопом прыскал к веранде.

— Они уже там, —кричал англичанин.— Берните револьвер, —попытаемся прорваться через фасадные ворота.

Белые рубахи и соломенные шляпы замелкали в зелени кустов. Англичанин разогнал лошадей на ходу вытиснул все восемь патронов из вичнестера. За лошадей бежал профессор Дорме, несладо стреляя в воздух из револьвера. У самого мых ворот лошадей, зацепившаяся за протравный вичнестер, рхнула на всем скаку; Джонс отлетел на три шага в траву. Профессор бросил револьвер и поплыл руки вверх.

— Да-та-аа!—завыл белые рубахи. Спротивлялись было несколько назов и профессор стоял рядом со скрученным наизвои ружьем. Не успел профессор сосчитать до десяти, как хозяин маковой плантации Гарри Джонс ботался на перекалывание ворот.

— Как же так, —такой-то ломаном английским языке спросил профессор выскочив китаец, как зашедший предводитель.

— Я приехал отисновать динозавра, —заядетал профессор.— Динозавра... знаете... Такие были... Я таме яйцо нашел... Дракон.

— Какое яйцо, —проткнул китаец. Яростые крики заглушили профессора. Профессор испуганно озирался.

— Ты, значит, поклонник дракона?—побожничая, спросил предводитель.

— Да, —прештлал профессор.—То-есть, я шшу его...

— Повесть его рядом с английской соборкой, —распорывился предводитель.

Профессора потащили к язовой перекалке.

— Красные пики!—разались встревоженные возгласы на дороге. К плантации вылила новая толпа. Восташие рабочие слышис с повстанцами. По конюшню проволоче, окружавшей усадьбу, заработали косы и серпы.

— Френкель, — да ведь это профессор! — раздается крик из толпы.

— Сантузофф! — с риданем выкрикнул Дорьян. — Сантузофф!

А Васька был уже около профессора, распухавшего петлом, растянувшего шею, поил водой. Двор быстро наполнялся людьми.

— Ну, профессор, надо в Уинию Советник (Советник Союз), — сказал Френкель, выходя мула.

— Как в Уинию? — изумился профессор. — А динозавр?

— Но ведь все предостережители желтой расы утверждали, что есть дракон. — Вот за этого дракона вас и вешали. Дракон ведь это — Чжан Цзо-Лин. И флаг у него такой. Про Чжана то все и говорили, не понимая наших вопросов.

Так толпились члены профессора Дорьян, член французского палеонтологического общества, заплерора ордена Почетного Легиона.

— Слышь, Вася, а не остался ли нам еще на месяц-полтора? — спросил Френкель. — Тут поехать можно водить...

Но Сантузофф не дал ему проволочать:

— Чтобы дать в руки козыря всей своей империалистской? Недаром они меня в плену охаживали. Что они имели дурное доказательство успеха ВКП в китайской революции? Так они утачивали зловещее письмо из этого разлука?

— Ехать, так ехать, — согласился Френкель. — Я говорил с председателем повстанцев, он обещал дать проволочать до монгольской границы.

26. Другими глазами

Не без волнения открывал Васька Сантузофф входную дверь клуба. Знакомый шум загудел ему на встречу.

— Узнают или не узнают? — с боковым бердавом думал Васька. — Забили, пони, совсем... Бесмяс месяца не слы...

В гимназическом зале было довольно много народу. Какой-то незнакомый парень старательно вывешивал на гармонию «Субботы». Несколько ребят, завязавших за руки, приплясывали, перекатывая друг друга на ходу; выходило что-то

в роде «Метелины». Сантузофф остановился и задобавлял плавающим движением девчачь.

— Как здорово набухорились! — поудамил он. — И тачену ковыл.

— Вася! — раздался внезапно визг над самым ухом, и одна из девчат цеплялась в его живот. Толпившиеся ребята раступились. Сантузофф оказался в центре круга.

— Ты откупи, шу? — радостно кричал Пашка Лобов, проталкиваясь сквозь толпу. — Я думаю, ты совсем пропал.

— Да нет, видишь, не пропал, нив, — ласково улыбаясь, ответил Васька.

Оброс-то! Загорел-то! — аершали девчата. — Гляди! — шрам какой? Ты с кем мовал-то?

— Погодите, все рассказаму, — медлительно отбивался Сантузофф. — Не жалейте сразу, а то хуже хукузаво...

Идем в шакуркужо, — взял Ваську под руку Лобов. — Там рассказавешь.

— А обосновали ты от своей мерехлюкной? — спросил Пашка, когда Сантузофф вкрядек передал свои приключения. — Ведь это самое главное...

От мерехлюкной-то? Видишь какая штука. Конечно, такое путешествие хоть кого излечит.

Да дело не в этом. Главная вещь в том, что меня сначала, когда на нас напали хукузавы, заесло. Дратьсь захотелось, гражданскую войну вспомнил. А потом, когда давшие и больше, когда в Китай поехали, я понял, что они, китайцы, в сущности преуспевают то, что мы уже преуспели. А я, вместо того, чтобы идти дальше, к следующему труднейшему этапу революции, просто обманулся ударить на открытые фронты, и втратил половину, где надо только физически бороться с ними. Когда я лежал в бронеированном вагоне, я упорно над этим думал.

— Значит, гражданская война тоже внутренне не захватили.

— Да, как сказать? Оно, конечно, загоралось иногда внутри, но больше инстинктивно работала в том направлении, что, мол, твое дело — в другом, в том, что ты бродил.

— Ну, а как ты смеяешь: у нас некоторые ребята, смеялись на твой пример и чуть не теми же мотивами устали пририваться, хотят ехать в Китай. Ты бы как поговорок?

— Погоди, а с ними поговорю. Помнишь, тут главное не Китай, а важно глянуть на себя со стороны. Отдых именно в этом должен заклю-

чаться, а не в Китае. И еще я понял, какая же я никуда в конце концов в таком массовом движении, как китайское. Меня швыряло и туда и сюда... а роли я никакой не играл... и играть не мог. Зачем же тогда Китай? На фронтах они в лучшем виде и без нас управятся. А руководителем мы не можем, потому по-китайски не понимали.

— Вот это важное соображение, — заучливо сказал Лобов.

...пустил никакую, басовитую ноту. — Хаааааа...

— Нет, важнее всего, и ты ни разгясни-валянуть на себя со стороны. А это можно и из сантузоффа, и из деревни... Да просто на месяц, другой переменить линию культурной работы.

— Васька Сантузофф здесь? — закричала в шакуркужо одна из девчат.

Слушай! Васька, хоркужоко сейчас начнется. Ты будешь или нет?

— Надо только голос провернуть. И он повалил к девочке и пустил никакую, басовитую ноту: — Хаааааа...

Ильич

Ш А Ш К И

Отдел № 4

ПАРТИЯ № 5

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. В. МЕДКОВА

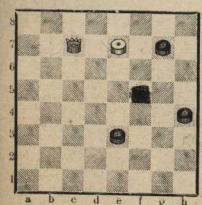
Обратный перекресток

Этад № 3

В. Медков Н. Губкин

П. С. Миклашевский (Новосибирск)

Печатается впервые

Белые: Д, с7; пр, е7. Черные: пр, е3, г7, h7.

Белые начинают и выигрывают.

Решения товарищей, приславших правильное решение, будут напечатаны.

1. e3 — d4	d5 — e5
2. b2 — c3	e7 — d6
3. c3 — b4	d6 — e5
4. — f2 — g3	e7 — d6
5. a1 — b2	e7 — d6
6. g3 — f4	e5 — d5
7. f4 — f2	h5 — g5?

Ход немаленько проигрывает черные. Следовало играть d3 — e5.

8. d4 — e4	d5 — f4
------------	---------

Если 8 — f6: d4, то g — c3: a5 и выигрывает.

9. h2 — g3	f4 — h2
10. e3 — d4	e5: e3
11. d2 — b4	сделал.

Партия введена из только что вышедшей новой книги «Азбука шахматной игры и 150 парий с ловушками» написанной чемпионом СССР В. В. Медковым и теоретиком А. К. Мишиным.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ:

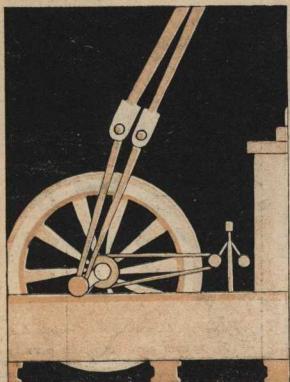
В. Шуминову (Краснодар). Задачи будут напечатаны, за исключением одной почти тысячеконечной задачи В. В. Антонова (Бел. Д. b4, c1, h2; пр, d4, e3, f2, f4). Черн. пр, а7, f6, h4. Запереть лаку и 2 протычь. 1: f2 — g1. 2: f4 — g3. b3 — g3 и т. д., помещенной в газете «Пестрочка» от 2/VI, 1927 г. Сообщите своей адрес.

РЕДКОЛЛЕГИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

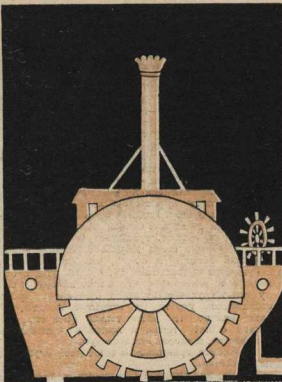
Отв. редактор И. Бобринская

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТЕХНИКИ

Рис. ЕВГ. МАНДЕЛЬБЕРГА

УАТТ - 1781.

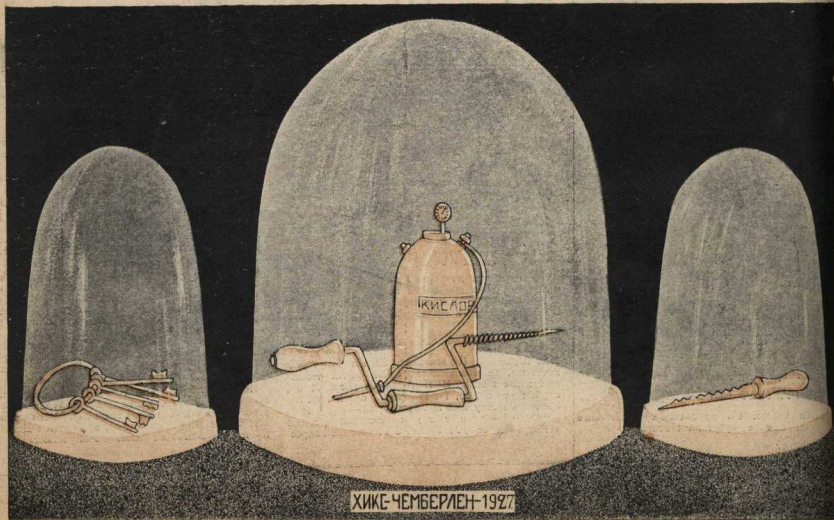

ФУЛЬТОН-1807

СТЕФЕНСОН-1825.

От первых робких опытов...

ХИКС-ЧЕМБЕРЛЕН-1927

... до смелых достижений в настоящем!